

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СССР

*И. Миллер**

В организованной на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссии по вопросам периодизации истории СССР был затронут целый ряд моментов, связанных с общей задачей построения периодизации¹. Некоторые статьи были целиком или в большей своей части посвящены отдельным конкретным проблемам и разделам периодизации, как то: периодизации истории русского государства до XIX в. (проф. С. В. Юшков), периодизации начального периода капитализма (П. Ф. Баканов, А. М. Борисов), периодизации этнического развития русского народа (проф. В. В. Мавродин). Нет нужды доказывать значимость указанных вопросов и важность освещения их в ходе именно данной дискуссии. Однако центральным вопросом дискуссии, по нашему мнению, является вопрос о принципе и методе построения периодизации.

Для всех советских историков, для всех историков-марксистов в решении этого вопроса основой является учение классиков марксизма-ленинизма об историческом процессе как смене общественно-экономических формаций.

При конкретном применении этой основы периодизации к истории СССР не вызывают сомнения два важнейших рубежа, отделяющих одну формацию от другой: Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая капиталистический строй и установившая социалистический строй, и отмена крепостного права в 1861 г., «смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом»². Полного единства мнений, как показала дискуссия, нет ещё в отношении определения момента смены в истории СССР первобытно-общинного строя феодальным. Однако основные рубежи многовековой истории нашей страны не вызывают сомнений, и вопрос о них ни в коей мере не может считаться дискуссионным³.

За этой первой, основной ступенью периодизации идут её последующие ступени — этапы развития в рамках отдельных общественных формаций. В определении этих этапов, как можно видеть из опубликованных журналом статей, и наблюдается ряд существенных расхождений.

Открывая дискуссию, Н. М. Дружинин сформулировал принцип периодизации истории капиталистической эпохи, исходя из фактора классово-вой борьбы. Основным аргументом автор выдвинул положение, что именно наивысшее обострение классовых противоречий, революция, определяет рубеж, отделяет одну общественную формацию от другой. Руководствуясь этим основным критерием, автор построил периодизацию завершающего периода феодальной формации и всей капиталистической формации. Завершающий период феодальной формации автор делит на три периода, которые им далее подразделяются на три—четыре этапа каждый. Капиталистическая формация разделена им на три основных периода, каждый из которых, в свою очередь, делится на три — шесть этапов. Таким образом, для феодальной формации предлагается трёхстепенная, а для капиталистической двухстепенная система периодизации. Дело,

* Институт славяноведения АН СССР.

¹ В настоящей статье учтены дискуссионные выступления, опубликованные в № 11 за 1949 г. и в №№ 1—5 за 1950 год.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 439. 4-е изд.

³ Мы остановимся в дальнейшем на наблюдающейся непоследовательности в определении места так называемых переходных периодов, особенно периода разложения феодальных отношений и развития капиталистического уклада.

однако, не в этой известной структурной нечёткости построения периодизации. Важно определить, правлен ли избранный Н. М. Дружининым основной принцип построения периодизации?

Уже отмечалось, что основной принцип, определяющий построение периодизации, должен быть единым, пригодным для всех периодов и всех формаций. Наиболее определённо эта мысль была выражена П. Ф. Бакановым, когда он, возражая Н. М. Дружинину, писал: «Хотя речь идёт только о периодизации истории СССР капиталистической эпохи, мы должны исходить из необходимости выбора такого принципа, который можно было бы распространить на древний, средний и новейший периоды истории нашей Родины. Классовая борьба — явление историческое и поэтому может служить критерием периодизации только для рабовладельческой, феодальной и капиталистической общественно-экономических формаций и переходного периода от капитализма к социализму»⁴. Таким образом, классовая борьба не может служить критерием для периодизации истории общества, не разделённого на антагонистические классы, и, следовательно, не является единым критерием периодизации.

Отметим далее, что из бесспорного факта смены общественных формаций в результате ожесточённой классовой борьбы ещё не следует, что, исходя из фактора классовой борьбы, можно и должно во всех случаях определять основные этапы развития в рамках одной формации. Моменты обострения классовой борьбы в рамках феодальной и капиталистической формаций могут не совпадать с основными этапами развития феодального или капиталистического способа производства. Подтвердим это положение примером.

Одним из важнейших явлений в истории феодального способа производства на Руси был происшедший под влиянием развития товарно-денежных отношений возврат феодалов к отработочной ренте — барщине — как основной форме эксплуатации непосредственного производителя. Это явление, вызвавшее усиление крепостничества и целый ряд серьёзных изменений в надстройке феодального общества, явственно наблюдается уже в первой половине XVI века⁵. Между тем классовая борьба крепостного крестьянства, явившаяся ответом на усиление феодальной эксплуатации, начала принимать широкие масштабы в самом конце XVI в. и достигла наибольшего размаха в первом десятилетии XVII века. Таким образом, здесь нет точного совпадения во времени: к моменту крестьянской войны начала XVII в. изменения в системе феодального хозяйства зашли уже так далеко, что было бы ошибочным оттягивать рубеж периодизации, связанный с этими изменениями, до начала XVII в. (необходимость же отражения в периодизации этих глубоких социально-экономических процессов очевидна). Крестьянская война начала XVII в., являясь одним из крупнейших событий в истории нашей Родины, сама по себе должна стать важной вехой в периодизации, однако она не была рубежом, переломным моментом в развитии феодальных производственных отношений. В то же время несомненно, что крестьянская война начала XVII в. достигла такого размаха именно потому, что она явилась ответом крепостного крестьянства на серьёзные изменения в феодальных производственных отношениях; несомненно, что в восстании Болотникова более чем в каком-либо ином крестьянском движении есть основания видеть ту классовую борьбу в феодальном обществе, которая связана с начавшейся в XVI в. новым этапом развития феодального способа производства в России.

А. А. Зимин полностью присоединился к точке зрения Н. М. Дружинина в вопросе о критерии периодизации и сделал попытку применить его к периодизации истории феодальной эпохи. В результате в его схеме в качестве фактора, определяющего один из важнейших рубежей в развитии феодального общества (первая ступень периодизации), оказались движения городских низов Новгорода во время присоединения его к Москве и псковских смердов в 1483—1486 гг. и особенно реформационно-гуманистическое движение конца XV — начала XVI века. В то же время восстание Болотникова, которое, как совершенно справедливо определил И. И. Смирнов, «является наиболее крупной как по масштабу, так и по значению крестьянской войной в России»⁶, оказы-

⁴ Журнал «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 75.

⁵ См. Б. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века, стр. 593—598. М.-Л. 1946.

⁶ И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607, стр. 491. Л. 1949.

вастью в схеме А. А. Зимина (соответствующей в данном случае схеме К. В. Базилевича) фактором, определяющим третьестепенный рубеж периодизации⁷. Такое построение искусственно и непоследовательно.

Если мы обратимся к истории Польши, то аналогичный переломный этап в истории польского феодализма можно будет датировать второй половиной XV — началом XVI века. Но во второй половине XV — начале XVI в. в Польше крестьянское антифеодальное движение не приняло ещё широких масштабов⁸. Лишь в находившейся под властью Польши Галицкой Руси произошло в 1490 г. восстание под руководством Мухи. Нарастание же крестьянского движения (опять-таки преимущественно на украинских и белорусских землях, находившихся под властью Речи Посполитой) относится к концу XVI — первой половине XVII века. Правомерно ли будет оттягивать до этого времени датировку явлений, наблюдавшихся в экономике феодальной Польши веком ранее?

Не подлежит сомнению, что в периодизации должны найти отражение моменты подъёма классовой борьбы, что в ряде случаев они являются крупными этапными, переломными пунктами периодизации, что классовая борьба должна занять важное место среди факторов, определяющих основные вехи периодизации не только в моменты революционного перехода от одной формации к другой, а и в процессе развития каждой общественной формации (речь идёт, разумеется, об обществе, разделённом на антагонистические классы). Но нам представляется необоснованным и не дающим правильного решения вопроса превращение фактора классовой борьбы в единственный критерий периодизации, когда речь идёт об установлении рубежей периодизации в рамках общественной формации.

Более правильным критерием периодизации является развитие способа производства. Впервые в ходе настоящей дискуссии этот критерий был сформулирован и применён в статье покойного К. В. Базилевича⁹. Выдвинутые К. В. Базилевичем тезисы и отдельные конкретные решения были уточнены в последующих статьях. Совершенно правильным является замечание П. Я. Мирошниченко, что понятие «система производственных отношений» органически связано (в классовом, в данном случае — феодальном обществе) с понятием классовой борьбы¹⁰. Таким образом, предлагаемый критерий не отвергает, но естественно включает в себя как важнейшую составную часть фактор классовой борьбы.

Нет нужды приводить широкую аргументацию в пользу данного принципа периодизации. Он является единственно правильным, сформулированным классиками марксизма-ленинизма: «История развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей»¹¹. Главной силой «в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому», является «способ производства материальных благ»¹².

Этим определяется первейшая задача исторической науки — «изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»¹³. Способом производства материальных благ определяется и основной, единый критерий периодизации истории общества по общественно-экономическим формациям, по основным типам производственных отношений.

Но очевидно, что свою роль основного принципа периодизации этот критерий сохраняет и тогда, когда мы имеем дело не со сменой общественных формаций, а с развитием одной какой-либо формации, одного типа производственных отношений. Это

⁷ См. журнал «Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 69, 73—75.

⁸ Необходимо отметить, что история крестьянских движений в феодальной Польше разработана ещё очень слабо. Однако существующие источники дают основание с уверенностью говорить об отсутствии в Польше в конце XV — начале XVI в. широких, массовых крестьянских движений.

⁹ См. журнал «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 67, 89.

¹⁰ См. журнал «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 90.

¹¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

¹² Там же, стр. 114.

¹³ Там же, стр. 116.

означает, что при изучении истории развития общества в рамках одной общественной формации мы должны прежде всего учитывать развитие способа производства.

Необходимо, однако, отметить, что развитие способа производства, будучи по своей идее единым, общим для всех формаций критерием, по существу совершенно меняет свой характер, своё внутреннее содержание в зависимости от того, идёт ли речь об обществе классовом, движущей силой которого является борьба классов, или об обществе, в котором нет деления на антагонистические классы. Развитие социалистического общества, развитие социалистического способа производства в самой своей основе отличается от развития способа производства, основанного на эксплуатации трудящихся. И. В. Сталин учит нас, что «закон перехода от старого качества к новому путем взрыва... обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов»¹⁴.

Поэтому нельзя ограничиваться указанием на то, что развитие способа производства является единым для всех эпох критерием периодизации истории. Необходимо подчеркнуть, что основы, принципы, законы развития социалистического способа производства, а следовательно, и содержание критерия периодизации истории социалистического советского общества коренным образом отличаются от принципов, законов развития классового общества, феодального, капиталистического способа производства, а следовательно, и от содержания критерия периодизации истории феодального и капиталистического общества.

Принятие основным критерием периодизации развития способа производства не означает, однако, что периодизация может быть сведена к одному лишь определению этапов развития базиса в рамках той или иной формации. Она не может не включать важнейших явлений в области развития надстройки. На это с полной определённостью указывают И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров в своих замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР, отмечая как один из основных недостатков, что «в конспекте свалены в одну кучу... самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»¹⁵.

Вопрос о том, как увязать основной принцип периодизации с рядом исторических явлений небазисного характера, поднимался в ряде статей, и прежде всего в статье К. В. Базилевича, предложившего трёхступенную систему периодизации: «Наиболее крупные (основные) периоды выделены по признаку развития производительных сил и производственных отношений. Вторая шкала периодизации учитывает изменения в политической структуре феодального общества. Этой двойной шкалой устанавливается связь между общественно-экономическим развитием и формами государства. Третья, низшая шкала должна дать дальнейшую детализацию в соответствии с наиболее характерными для каждого подразделения явлениями исторического процесса. В этом мы видим осуществление единых принципов периодизации»¹⁶.

Сама по себе попытка создать логически обоснованную, стройную систему периодизации представляет несомненную заслугу К. В. Базилевича. Однако предложенное автором конкретное решение вопроса вызывает серьёзные возражения. Ряд недостатков этой схемы, и прежде всего то, что она приводит к недооценке классовой борьбы как основной черты феодального строя, уже отмечался в статьях А. А. Зимина и П. Я. Мирошниченко.

Полностью соглашаясь с уже высказанными в дискуссии критическими замечаниями по поводу ретривленной схемы К. В. Базилевича, мы считаем необходимым дополнить их ещё некоторыми соображениями, возникшими как в связи с высказываниями К. В. Базилевича, так и других участников дискуссии.

Одним из серьёзных явлений в истории нашей Родины на протяжении нескольких веков была отсталость. Она наложила свой отпечаток на социально-экономическое, политическое, культурное развитие страны; для преодоления этой отсталости потребовались титанические усилия русского народа. Было бы ошибкой строить периодизацию

¹⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24. Изд-во «Правда». 1950.

¹⁵ «К изучению истории». Сборник, стр. 22. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

¹⁶ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 89—90.

истории СССР, не отражая причин этой отсталости, не показывая, как она преодолелась. Мы знаем, что эта отсталость не может быть объяснена ни развитием базиса, ни развитием надстройки феодального русского общества: она явилась следствием варварски опустошительного завоевания и двух веков татаро-монгольского ига, которое принесло Руси разрушение производительных сил и (что следует особо подчеркнуть) массовое физическое истребление русских людей, систематическое ограбление страны, политику управления, сковывавшую возможности нормального развития. И если до нашествия монголо-татар Русь в экономическом, политическом и культурном отношении была передовой страной среди окружающих её стран Европы, то татарское иго нарушило нормальный ход развития, породило отсталость. Но дело не только в этом.

Говоря о «кровавой грязи монгольского ига», Маркс подчёркивал, что оно «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»¹⁷. Татарское иго было одним из тяжелейших испытаний для русского народа, временем жестокого национального угнетения, надругательства над национальными чувствами русского народа. Можно ли строить периодизацию истории СССР, преуменьшая пагубное значение татарского ига, умаляя значение героической борьбы против него русского народа, борьбы, в которой русский народ опрокинул власть захватчиков, сломил их силу и своей грудью прикрыл от их натиска польский, чешский, венгерский и другие народы? На наш взгляд, нельзя.

Какое место занимают эти вопросы в схеме периодизации, предложенной К. В. Базилиевичем? Татарское нашествие принимается в этой схеме в качестве рубежа периодизации по третьей (нижней) шкале и относится, таким образом, к рубрике «наиболее характерных для каждого подразделения явлений исторического процесса». В схеме К. В. Базилиевича не нашлось для этого события иного места. Это не случайность. Автор настаивает на своём решении и обосновывает его. Говоря о колоссальном уничтожении производительных сил вследствие татаро-монгольского нашествия, о торможении развития товарно-денежных отношений, автор в то же время так формулирует свой основной вывод: «Мы далеки от мысли придавать монголо-татарскому завоеванию то значение, какое ему придавалось в дворянской и буржуазной историографии, традиционно, со времени Татищева и Щербатова, делившей историю Руси на домонгольский и монгольский периоды. Завоевание русских земель монголо-татарами не внесло каких-либо принципиальных изменений ни в социально-экономические отношения, ни в политический строй Северо-Восточной Руси. Развитие системы великого княжества Владимирского явилось продолжением и углублением тех начал, которые проявились до похода Батыея»¹⁸.

Мы, в свою очередь, далеки от мысли, что советский историк должен следовать за дворянско-буржуазной историографией, например, игнорировать ту истину, что и до монгольского нашествия и после него на Руси был феодальный строй. Но трудно освободиться от впечатления, что приведённое положение объективно, очевидно, помимо воли автора, ведёт к преуменьшению пагубных последствий татарского нашествия, а тем самым и к преуменьшению значения в истории русского народа его борьбы против татарского ига. Как понимать фразу о том, что татарское завоевание не внесло каких-либо принципиальных изменений в социально-экономические отношения? Вероятно, смысл её сводится лишь к утверждению того очевидного факта, что феодальные отношения на Руси продолжали существовать и не сменились иным общественным строем. Трудно, однако, согласиться с тем, что только такую перемену следовало бы считать «принципиальными изменениями».

Вызванное татарским завоеванием торможение хода развития феодального способа производства, повлекшее за собой социально-экономическую отсталость ранее передовой страны, несомненно, является серьёзнейшим принципиальным изменением. Мало меняет дело после сказанного К. В. Базилиевичем фраза о том, что «факт завоевания нельзя игнорировать, так же как нельзя игнорировать самоотверженную борьбу русского народа за своё освобождение, вызванную этим завоеванием»¹⁹.

¹⁷ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века.

¹⁸ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 76.

¹⁹ Там же.

Вопрос о роли татарского ига рассматривается в статье К. В. Базилевича в основном лишь по линии выяснения его влияния на социально-экономическое развитие страны и на развитие централизованного государства. Автор не останавливается специально на вопросе национального угнетения русского народа во время татарского ига, очевидно, потому, что в созданной им схеме проблема положения народности, национального бытия не находит отражения, она может прокрасться лишь «на задворки» периодизации, в её низшую, третью шкалу.

Обратимся к другому примеру, взятому из иной исторической эпохи и из истории другой страны. История начального периода развития капитализма в Польше изучена ещё далеко не достаточно. Имеющиеся данные позволяют предположительно отнести оформление капиталистического уклада в Польше к 70-м годам XVIII века. Если к истории Польши применить схему периодизации К. В. Базилевича, то с этого момента, с 70-х годов XVIII в., и следует начинать завершающий период феодальной формации в Польше, доводя его как единый исторический период до времени утверждения капиталистической формации, т. е. до 40—60-х годов XIX века. Однако за это время имели место разделы Речи Посполитой, польское государство было уничтожено, польская национальная территория расчленена, и польский народ попал в условия жестокого национального угнетения.

В течение 70 лет, со времени разделов Речи Посполитой и до восстания 1863 г. включительно, важнейшими, определяющими явлениями в истории Польши были национальное угнетение польского народа тремя реакционными феодально-абсолютистскими правительствами и национально-освободительная борьба польского народа. Национально-освободительная борьба временами выступала даже на первый план по сравнению с классовой борьбой. В. И. Ленин писал об этом периоде: «Тогда революционной была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства»²⁰. Эта революционность значительной части эксплуататорского класса, класса, олицетворявшего собою старые, отживающие отношения, может быть объяснена лишь при правильной оценке громадного значения для истории Польши факта национального угнетения и напряжённой национально-освободительной борьбы.

Говоря о значении разделов Речи Посполитой для периодизации истории Польши, необходимо отметить и то, что результатом этих разделов было различное и несинхронное развитие отдельных частей Польши. Если для находившихся под властью Пруссии Великой Польши, Большого Поморья²¹, Силезии и находившихся под властью Австрии Западной Галиции и Цешинской Силезии рубежом между феодальной и капиталистической формациями следует считать революционные 1846—1848 гг., то для Царства Польского таким рубежом было восстание 1863—1864 гг. и крестьянская реформа 1864 года. Если следовать схеме К. В. Базилевича, то факт национального угнетения польского народа и его национально-освободительная борьба найдут отражение лишь в третьей шкале периодизации, и только в связи с фактом уничтожения польского государства (т. е. изменением политической структуры общества) им может быть отведено место во второй шкале.

Число таких примеров можно было бы умножить, но и из сказанного ясно, что речь идёт не о случайных ошибках, допущенных при конкретном решении отдельных вопросов периодизации, а о наличии недостатка более общего характера в предложенной системе периодизации — недостатка, оставшегося, к сожалению, неотмеченным, а в ряде случаев даже повторенного в ходе дискуссии.

Было бы ошибочным основной критерий периодизации — развитие способа производства, — определяющий рубежи между формациями, переносить на периодизацию истории общества в рамках одной формации механически, выносить этот критерий за скобки как единственный критерий основной шкалы периодизации в рамках одной формации. Смена одного способа производства другим способом производства является полным, всеобъемлющим критерием потому, что она представляет собой синтез всего развития общества в революционном переходе от старого качества к новому. В то

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 416. 4-е изд.

²¹ Большим Поморьем мы называем (в соответствии с установившейся в польской литературе терминологией) всю полосу польских земель, лежащих по берегу Балтийского моря, от Щецина до Голдапа.

же время отдельные этапы развития одного способа производства, не вызывающие коренного перелома, замены одного базиса другим, могут не совпадать и исторически не совпадают с процессами развития надстройки. Это означает, что нельзя ограничиться при определении первых, основных рубежей периодизации рассмотрением одних только моментов развития базиса, как нельзя, не становясь на путь вульгаризации марксистско-ленинского понимания истории, отвлекаться и от обратного воздействия — надстройки на базис.

Выделение определяющих, единственных критериев оправдано и необходимо при изучении отдельных областей исторического процесса, так же как оправдано и необходимо на известном этапе изучения того или иного явления абстрагирование от других явлений. Но если начать подобным способом строить периодизацию истории народа или страны в целом, то вместо исторически обоснованной периодизации, соответствующей живой, реальной истории народа, мы получим сухую социологическую схему, которая неизбежно будет искажать действительное значение тех или иных событий в истории народа, насильственно «синхронизировать» и «синтезировать» явления различного исторического характера.

Необходимо также помнить, что речь идёт не о периодизации всемирной истории и не о построении типовой периодизации истории страны, а о периодизации истории конкретного национального, а затем многонационального общества, истории одной страны. «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»²².

Первым выводом из сказанного является то, что, создавая периодизацию истории страны, народа, мы не вправе искусственно сужать круг фактов и явлений, учитываемых периодизацией; нельзя подгонять оценку значения того или иного явления под логически, а не исторически обоснованную схему; наоборот, схему периодизации нужно строить на основании обобщений, возникающих после глубокой и объективной оценки всех важнейших явлений в жизни народа.

Строя периодизацию истории, не следует механически отводить первую её ступень изменениям базиса, вторую — одному виду надстроечных явлений — развитию государства, а третью — без особого разбора всем прочим фактам и явлениям в истории народа, страны. Не говоря о других, уже отмеченных в ходе дискуссии серьёзных недостатках этой схемы, она непригодна ещё и потому, что при рассмотрении конкретного хода истории страны она классифицирует, руководствуясь степенью важности категорий явлений, а не степенью важности самих явлений. Неоспоримо то, что основные переломные моменты в развитии того или иного способа производства представляют собою первостепенной важности вехи в истории данной формации. Но это не значит, что по своему значению в истории народа с ними не могут быть сопоставлены (а следовательно, и поставлены в один ряд в периодизации истории народа) наиболее выдающиеся события классовой борьбы (если даже они и не совпадают с переломными моментами в развитии базиса) и наиболее выдающиеся моменты подъёма борьбы за независимость.

Эти события оказывали в конечном счёте могучее воздействие на развитие самого базиса, и нельзя не учитывать их при построении верхней, самой основной шкалы периодизации истории той или иной формации. Равным образом нельзя и втаскивать их в эту шкалу «контрабандой», стремясь во всех случаях хронологически совместить их с этапами развития данного базиса. Это может повлечь за собою либо насильственное «синхронизирование» несинхронных явлений либо преуменьшение значения важнейших событий небазисного порядка. Избежать этого можно, лишь отказавшись от ошибочного принципа низведения всех явлений небазисного порядка на низшую шкалу периодизации.

Если же мы откажемся от оценки исторических событий и бесконечно различных эмпирических обстоятельств по их внешнему облику, на основании одной лишь принад-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIX, ч. II, стр. 353.

лежнсти их к той или иной общественной категории, и будем всесторонне взвешивать, а во многих случаях и дополнительно изучать их, как этого требуют от нас сформулированные классиками марксизма-ленинизма методы периодизации исторического процесса, то самая работа по построению периодизации станет мощным стимулом к еще более глубокому изучению истории и поможет раскрыть во всей полноте действительную, а не абстрактно-логическую взаимосвязь исторических событий и явлений в различных областях жизни общества.

Серьезным недостатком схемы К. В. Базилевича и схем ряда других авторов, принявших участие в дискуссии, является и то, что они упускают или в недостаточной мере учитывают такой фактор истории, как развитие нации, национального самосознания и национального движения, условия, в которых это развитие происходит. История СССР есть история народов СССР, и прежде всего история русского народа, русской нации, руководящего народа среди народов нашей Родины. А для истории народов фактор национального развития имеет громадное значение, нередко приобретая, как это можно видеть на примере истории Польши, значение первостепенное. Плоха та периодизация, которая отводит этому первостепенному фактору третьеразрядное место.

Существенным недостатком предложенных схем периодизации является также то, что они исходят, по существу, из абстрактного логического представления о «нормальном» развитии истории страны, о развитии исключительно на основе внутренних законов движения каждого народа. Татарское нашествие нельзя считать непосредственным следствием развития способа производства. Это очевидно. Его нельзя даже косвенно связать с внутренней историей Руси в предшествовавший нашествию период, так как не политическая раздробленность Руси, облегчившая татарам её завоевание, была причиной их нашествия на Русь. Ясно, что татарское нашествие не является органической частью ни развития базиса, ни развития надстройки русского феодального общества и предшествовавший завоеванию период. Однако оно представляет собой такое явление истории СССР, которое не может игнорировать периодизация и которое нельзя выносить за скобки основной линии периодизации.

Народность, нация (или группа народностей, наций в многонациональном государстве) не отгорожена китайской стеной от окружающего мира. Н. М. Дружинин, бесспорно, стоит на правильной позиции, когда говорит: «Было бы ошибкой брать за основу периодизации внешние события и отношения; следует исходить из внутренних моментов развития, обусловивших то или иное воздействие мировых явлений; мы должны решительно отмежеваться от теории механического заимствования, которая игнорирует внутренние законы движения каждого народа»²³. Но, отказавшись от игнорирования внутренних законов движения, мы не должны также игнорировать и непосредственное воздействие внешних событий, сводить всё к внутренним моментам развития.

В истории народов бывают моменты, когда внешние силы проявляют себя не путём влияний и мирного воздействия, а путём насильственного вторжения в жизнь народа, лишая или угрожая лишить его национальной независимости, угрожая его национальному бытию. Такие внешние вторжения, как татарское нашествие, как польско-шведская интервенция в начале XVII в., как нашествие Наполеона в 1812 г., и вызванная этими нашествиями борьба русского народа против смертельной опасности, угрожавшей его национальному бытию,— это не второстепенные и малозначащие события, которые можно не учитывать в периодизации. Эти события были навязаны внешней силой, они не вытекали из внутренних законов развития русского народа, но они заняли выдающееся место в его истории. Они должны найти своё место в периодизации, ибо если появление завоевателей на русской земле и не было следствием внутреннего развития русского народа, то борьба с ними, их изгнание стали отправными пунктами развития многих важнейших явлений в жизни русского народа.

В ходе дискуссии уже было отмечено, что Отечественная война 1812 г. не заняла должного места в схеме периодизации, предложенной Н. М. Дружининым²⁴. Однако

²³ Журнал «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 91.

²⁴ См. М. Гудошников. Замечания на статью проф. Н. М. Дружинина. Журнал «Вопросы истории» № 1 за 1950 г., стр. 68—69.

значение Отечественной войны 1812 г. нельзя, разумеется, свести, как это делает М. Гудошников, к тому, что время Отечественной войны положило начало таким явлениям, как увеличение дворянского предпринимательства в области сельского хозяйства и быстрый рост хлопчатобумажной промышленности. Говоря о влиянии Отечественной войны, нужно прежде всего сказать о том, что она послужила мощным толчком к дальнейшему подъёму национального самосознания русского народа, она воспитывала любовь к Родине, гордость ею и стремление бороться с феодально-абсолютистским строем, сковывавшим её прогрессивное развитие. Отечественная война 1812 г. была важным этапом в развитии прогрессивных, антифеодальных сил в русском обществе. Это влияние Отечественной войны выражено в замечательных словах М. И. Муравьёва-Апостола: «Мы были дети 1812 года». Отечественная война вызвала к жизни движение декабристов, и это — явление, несравненно более важное и значительное, чем рост дворянского предпринимательства, связь которого с войной 1812 г., кстати сказать, весьма относительна. На этом примере ясно видно, как обедняется значение выдающихся событий, когда они оцениваются лишь до степени их непосредственного влияния на развитие базиса. В то же время ясно, что можно и нужно оценить громадное значение Отечественной войны 1812 г. для развития базиса, но для этого необходимо учитывать, как повлияла она на развитие надстройки русского общества, на развитие нации, её прогрессивных, антифеодальных сил.

До сих пор мы говорили о враждебном воздействии извне, имевшем целью затормозить развитие, и о прогрессивности сопротивления этой внешней силе. Но есть и другая, не враждебная, не тормозящая, а облегчающая развитие форма воздействия внешних сил, являющаяся фактором, непосредственно и прямо способствующим развитию. В нашу социалистическую эпоху тезис о том, что «было бы ошибкой брать за основу периодизации внешние события», нельзя приводить без серьёзного ограничения. Польский народ получил, например, освобождение от национального угнетения благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, совершённой рабочим классом России. Изучая историю Польши, мы видим, какое громадное влияние оказала Октябрьская революция на внутреннее развитие польского народа, однако серьёзный перелом в истории польского народа был определён не столько развернувшимся под влиянием Октябрьской революции движением трудящихся масс Польши, сколько непосредственно самой Великой Октябрьской социалистической революцией. Она дала польскому народу национальную независимость, а уже соотношение классовых сил в самой Польше, недостаток сил и ошибки польского революционного движения определили тот факт, что восстановленное в 1918 г. польское государство стало не социалистическим, а буржуазно-помещичьим.

Несомненным, с точки зрения широкой исторической перспективы, представляется тот факт, что 7 ноября 1917 г. является в истории Польши рубежом исторического значения, неизмеримо большим, чем 11 ноября 1918 г. — день формального провозглашения польского государства. И было бы ошибкой считать рубежом периодизации в истории Польши создание польского буржуазно-помещичьего государства, а не Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Советская историческая наука вооружена подлинно научным историческим методом, она располагает громадным, особенно в области истории нашей Родины, конкретным историческим материалом. Создание научной периодизации истории является её долгом. Не может быть сомнения в том, что такая периодизация будет создана. Эта периодизация будет чёткой и методологически цельной, не допускающей возможности искажения её, превращения в идеалистическую или в вульгарно-материалистическую схему. Эта периодизация будет творческой, способной всегда учесть и включить в себя новые данные исследований марксистско-ленинской исторической науки.

Остановимся кратко ещё на одном частном, но имеющем принципиальное значение вопросе.

А. П. Пьянков в своей статье критикует К. В. Базилевича за отнесение общественного строя Киевского государства к периоду феодальной формации, за характеристику его как начального периода этой формации: «Время Киевского государства — время

генезиса феодальных отношений»²⁵. А. П. Пьянков не согласен с этим выводом К. В. Базилевича. Однако характеристика дофеодального периода в его статье, за исключением того, что в отличие от К. В. Базилевича он начинает этот период не с IX, а с VII—VIII вв., ничем существенно от формулировки К. В. Базилевича не отличается. А. П. Пьянков пишет: «Дофеодальный период — период, переходный от первобытно-общинного строя к феодализму, период созревания феодальных отношений»²⁶. Очевидно, что между «временем генезиса феодальных отношений» и «периодом созревания феодальных отношений» разницы никакой нет.

Различие точек зрения сводится, таким образом, к тому, в рамках какой формации надлежит помещать этот переходный период. А. П. Пьянков возражает против отнесения переходного периода к феодальной формации. Сам он вообще не относит его ни к какой формации. Он заявляет: «Общественные отношения дофеодального периода не могут быть отнесены к какому-либо одному из этих основных типов производственных отношений»²⁷.

Этот вывод ошибочен и с методологической стороны неправомерен. Переходные периоды существуют, но вырывать их из рамок общественной формации, превращать их в самостоятельные, ни в одну формацию не входящие периоды, т. е. по существу создавать какие-то дополнительные, промежуточные формации, — значит извращать марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Прав был К. В. Базилевич, когда писал: «Понятие «дофеодального периода» или «дофеодального государства», не отнесённое ни к одной из существующих общественно-экономических формаций, не имеет исторического смысла»²⁸.

Прав был, по нашему мнению, К. В. Базилевич и тогда, когда отказался отнести переходный период к первобытно-общинному строю, а относил его к строю феодальному. Самое наличие классов, эксплуатации трудящихся, даже если эта эксплуатация и не успела ещё распространиться на значительные массы трудящихся, появление классовой борьбы кладут резкую принципиальную грань между первобытно-общинным строем и переходным периодом. В то же время между переходным периодом, представляющим собою уже классовое общество, и развитым феодальным строем нет ни резкой принципиальной грани, ни коренной революционной ломки. Переходный период — период созревания феодальных отношений — является начальным периодом феодальной формации.

Существует в то же время вопрос и о другом переходном периоде — времени разложения феодальных отношений и развития капиталистических отношений. Прямые и чёткие указания классиков марксизма-ленинизма говорят нам о том, что этот переходный период является завершающим периодом феодальной формации. Тут не может быть двух мнений, и, действительно, в ходе дискуссии как Н. М. Дружинин, так и другие авторы подчёркивают это положение. Нельзя, однако, не заметить, что на практике это бесспорное положение нередко смазывается.

Так, вузовский курс истории СССР делится по томам не по признаку периодизации: границей между томами является 1801 год. Правда, по этому поводу на первой же странице второго тома учебника делается соответствующая оговорка, читателю разъясняется, что такое строение вызвано лишь распределением программной нагрузки по курсам исторического факультета, однако это не меняет того положения, что строение учебника не подчёркивает, а смазывает важнейший момент периодизации (особенно, если учесть, что в отличие от первого тома учебника том второй не имеет деления на разделы и периодизация в нём никак не выделяется).

Самая организация научной работы в основном центре исторической мысли нашей страны — Институте истории Академии наук СССР — подобна строению вузовского учебника: Институт имеет не секторы истории СССР феодальной и капиталистической эпох, а сектор истории СССР до XIX в. и сектор истории СССР XIX и начала XX века. Правда, такая система организации может найти известное оправдание в специфике исторического материала, в возможности более целесообразного использования сил

²⁵ Журнал «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 71.

²⁶ Журнал «Вопросы истории» № 5 за 1950 г., стр. 78.

²⁷ Там же.

²⁸ Журнал «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 70.

научных работников и т. д., однако несомненно, что указанная организация научной работы не подчёркивает важнейший момент периодизации.

Наконец, чтобы не ходить далеко за примерами, укажу, что и в самой дискуссии по периодизации истории СССР, несмотря на то, что во всех статьях даётся правильное решение в отношении рубежа между феодальной и капиталистической формациями, объективно вопрос этот оказался затемнённым. Статья К. В. Базилевича не даёт полной периодизации феодальной формации, а статья Н. М. Дружинина посвящена «периодизации капиталистических отношений в России», а не периодизации капиталистической формации. При такой постановке вопроса переходный период от феодализма к капитализму объективно получил одностороннее освещение.

Н. М. Дружинин рассматривает этот период, сосредоточивая всё своё внимание на проблеме генезиса капитализма; за ним пошли дальше в этом направлении и некоторые из выступавших в дискуссии товарищей. Эта проблема, несомненно, весьма важна, но она не покрывает всего содержания периода. Разложение феодальных отношений рассмотрено в дискуссии лишь вскользь, а в статье Н. М. Дружинина даже не приводится и не прослеживается на конкретном материале истории СССР важнейшее методологическое указание И. В. Сталина, на котором должна основываться трактовка перехода от феодализма к капитализму: «Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации»²⁹.

Обо всём этом необходимо говорить ещё потому, что вопрос о месте переходного периода между феодализмом и капитализмом порою у нас не только затемняется, но и решается ошибочно. Приведём пример. Министерством высшего образования СССР в 1949 г. издан проект программы курса «История южных и западных славян» для исторических факультетов государственных университетов, составленный кафедрой истории южных и западных славян Московского государственного университета имени Ломоносова. В этом проекте курс делится на пять частей-периодов: 1) первобытно-общинный строй, 2) феодализм, 3) капитализм, 4) период второй мировой войны и Великой Отечественной войны Советского Союза, 5) славянские страны на путях строительства социализма.

Период феодализма заканчивается двумя параллельными разделами: «Южные славяне под властью турок и Австрии. Развитие крепостнических отношений на Балканском полуострове» и «Феодально-крепостнические отношения у западных славян». Изложение в обоих разделах доводится до конца XVIII века. Период же капитализма открывается разделом «Утверждение капиталистических отношений», который доводит изложение до 90-х годов XIX в. включительно. За этим следует раздел «Период империализма».

Не будем останавливаться здесь на всех недостатках данного проекта программы, это завело бы нас слишком далеко. Отметим лишь, что не может не вызвать возражений выделение периода второй мировой войны и Великой Отечественной войны Советского Союза в раздел, равновеликий целым формациям. Но обратимся к интересующему нас вопросу о месте переходного периода от феодализма к капитализму. Из сказанного видно, что переходный период от феодализма к капитализму (начальный рубеж которого определяется в общей форме для всех славянских народов, а поэтому и неточно) авторы проекта отнесли к капиталистической формации и к тому же ещё слили его воедино с периодом победившего доминирующего капитализма, окрестив созданный таким образом псевдопериод названием «утверждение капиталистических отношений»!

Мы имеем дело здесь не просто с досадным ляпсусом, а с серьёзной методологической ошибкой. Отнести переходный период от феодализма к капитализму в капиталистическую формацию — означает затушевать, смазать значение революционного акта перехода от одной формации к другой, слить же этот переходный период с последующим — означает вообще игнорировать революционную смену общественно-экономических формаций, создавать у учащихся представление о мирной, эволюционной смене феодализма капитализмом в конце XVIII в. в Польше, Чехии, Словакии и у южных славян. Конкретное содержание отдельных параграфов программы несколько поправ-

²⁹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 412. 11-е изд.

ляет дело, но, разумеется, не спасает положения. Спрашивается, как могла кафедра утвердить, а Министерство высшего образования направить в печать эту пуганую, недоброкачественную программу?

Приведённый пример свидетельствует о том, что поставленный нами вопрос о необходимости добиться полной ясности и чёткости в трактовке места переходных периодов, о необходимости решительного подчёркивания рубежей между формациями не является праздным, излишним.

★

В заключение хочется высказать пожелание, чтобы начатая журналом дискуссия по вопросам периодизации не ограничилась рамками истории СССР. Очередной и актуальной темой для обсуждения являются проблемы периодизации истории зарубежных стран, и прежде всего стран народной демократии, народов, вышедших на путь строительства социализма.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ